

Проблемы защиты окружающей среды, экологическая безопасность затрагивают интересы всего населения России. Необходимость знания этих проблем исключительно велика для всех его слоев. Участники дискуссии выступали за более широкое изучение этих проблем, преподавание экологического права в высших учебных заведениях самого различного профиля, совершенствование программ, более активное освещение этих проблем в средствах массовой информации. В качестве недостатка в деятельности правительственных структур России отмечалось слабое использование научных разработок по вопросам окружающей среды и экспертов, которые могли бы вносить гораздо больший вклад в разработку и осуществление внутренней и внешней политики России в этой области.

¹ См., например, определение, приведенное в учебнике «Международное право» (М., 1994) под редакцией Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова. В нем указывается: «Международно-правовая охрана окружающей среды — совокупность принципов и норм международного права, составляющих специфическую отрасль этой системы права и регулирующих действия его субъектов (в первую очередь государств) по предотвращению, ограничению и устранению ущерба окружающей среде из различных источников, а также по рациональному, экологически обоснованному использованию природных ресурсов» (с. 576).

Статья получена редакцией в апреле 1996 г.

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ, МНОЖЕСТВО ПРОБЛЕМ

Отчет с XXXIX Ежегодного собрания
Российской ассоциации международного права

Понтифик Колодкин и его конклав

Специалисты в области международного права — своеобразные фанатики. Они поклоняются предмету своего обожания — норме права, способны круглосуточно рассуждать о ней, петь ей дифирамбы, посвящать ей жизнь. Чем не религия? Как и во всякой религии, здесь есть своя организация — Российская ассоциация международного права. Причем, что характерно, у цивилистов такой организации нет, у «уголовников» — тоже нет, у тех, кто за-

нимается административным или конституционным правом, — тем более нет. Есть у «моряков», но они как бы слились с международниками.

Зато широкопредставительной Российской ассоциации международного права уже идет 40-й год. У нее своя четкая иерархия. Имеется понтифик — президент и при нем конклав — исполком. Именно благодаря их активным усилиям и священнодействует вся мирская братия, имя которой — юристы-международники: от ученых с мировыми именами до аспирантов и даже студентов, только-только ступивших на стезю науки.

У паствы религии международного права общее богомолье случается раз в году. Это и есть Ежегодное собрание Ассоциации. В 1996 году оно состоялось в 39-й раз. 39 лет — возраст балзаковской женщины или мужчины «в соку».

В общем, зрелость ощущалась (спасибо понтифику и его конклаву) во всем: в организации заседаний, в выборе острых актуальных тем, в умелом подборе докладчиков, даже в незримой режиссуре дискуссии. Выступления и правоверных, и богохульников, отходившие от традиций, вызывали интерес. Споры богословов в пределах одной религии всегда пикантны и остросюжетны, когда их слушает правоверная паства.

На сей раз тоже говорилось много интересного. Наш журнал публиковал как бы отчет с 39-го Ежегодного собрания Ассоциации, можно сказать, в течение всего уходящего года. Статьи В.А. Карташкина и Г.П. Гессера, В.И. Кузнецова и М.Л. Энтина, Р.А. Колодкина и Г.Б. Старушенко, ряда других авторов — это и есть их переработанные и дополненные выступления на собрании. Рубрика «Хроника» в этом номере открывается статьей О.Н. Хлестова, тоже посвященной тому же собранию.

Чем вызвано такое внимание к одному собранию? Секрета тут нет. Во-первых, тем, что само собрание было интересным. Во-вторых, тем, что многие проблемы прозвучали по-новому. В-третьих, и, конечно, главное: само развитие науки международного права в нашей стране, да, пожалуй, и во всех странах СНГ концентрируется именно на этом форуме, выплескивается в виде докладов в умы юристов-международников России. Нет, ни в коем разе тут нет попытки преувеличить роль ежегодных собраний. Но и преуменьшать не стоит. Конклав во главе с понтификом умело делает так, чтобы наша религия — международное право трудами российских ученых развивалось и было заметным на мировой арене.

Итак, раз многое уже опубликовано, осталось рассказать лишь о том, что было еще. Стоит обратить внимание при этом на начало собрания. В это время были оглашены фамилии новых мартенсовских лауреатов: их имена опубликованы в № 3 журнала за этот год.

Летом 1995 года произошло знаменательное событие в развитии практики международного права для России: высшими законодательными органами страны был принят и вступил в силу закон «О международных договорах Российской Федерации». Наш журнал опубликовал и сам закон (№ 2, 1996 г.), и комментарий к нему профессора А.Н. Талалаева. Но уже в начале года на собрании Ассоциации с комментариями к этому закону выступил заведующий сектором международного права Государственного правового управления Президента РФ Б.И. Осьминин — по «секретным» сведениям, один из разработчиков этого закона.

Конечно, из его выступления можно было узнать многое. Оказывается, закон разрабатывался три года, преодолел два «вето» президента. Но суть его осталась: не органы, а государство в целом является ратификатором международного договора, иными словами, закон может быть изменен или отменен только новым законом. И не может быть так, чтобы парламент дал согласие на договор, который противоречит закону. А закон составлен так, чтобы ни одно ведомство, никакой парламент, даже президент не имели права, не могли дать согласие на договор, который противоречил бы внутреннему законодательству России.

Юристы различают самоисполняющиеся и несамоисполняющиеся договоры. Новое толкование международного права и пункта 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации гласит: международные договоры действуют непосредственно. И все же: безоглядный приоритет рассматривать безоглядно нельзя. Судья все еще рассматривает и будет рассматривать нормы национального закона, а не международного права. Поэтому в Госдуме поняли, что надо ввести временное применение норм международного права и ограничили это временное применение шестью месяцами, чтобы потом снова эту проблему рассмотреть в Госдуме. Тем временем временное применение получило в России неоправданно широкое распространение. Иногда трудно отличить временное применение от выполнения международного договора. К примеру, разграничение морских пространств между СССР и США, проведенное в 1991 году, но пока еще не ратифицированное в Госдуме, применяется уже свыше пяти лет. Есть еще одна сложная проблема. Это — субъекты Федерации, которых 89 по числу. С ними надо согласовывать те международные договоры, которые их касаются. А это очень и очень трудно делать на практике.

Доклад вызвал много вопросов. Такова проблема. Из всех стоит привести такой. Профессор В.К. Собакин спросил, как быть, если в разных международных договорах одна и та же проблема решается по-разному. Мы, сказал он, в Конституционном Суде, уже столкнулись с таким случаем, когда речь шла о правах человека. Вместо до-

кладчика ответил профессор И.И. Лукашук, российский представитель в Комиссии международного права ООН: «Эта проблема решена в Венской конвенции о международных договорах. Применяется всегда та норма, которая была принята последней».

Ода частному праву

Обратите внимание: то, что всегда откладывалось на потом, на конец заседаний, на этот раз было поставлено в первый день. Сразу же после утреннего заседания на первый план на вечернем заседании (подчеркиваю, в первый день из общих трех!) зазвучали доклады по международному частному праву. Отчего? Почему? Да потому, что международным частным правом интересуется ныне каждый предприниматель, который хочет выйти на международный рынок. Выйти честно, законно, чтоб комар нос не подточил.

Здесь прозвучали три доклада: начальник отдела Минфина И.Ю. Носков рассматривал правовые аспекты двойного налогообложения — явления явно вредного и мешающего развитию экономических связей и государств, и юридических лиц, и отдельных предпринимателей-одиночек. Современные тенденции в развитии связей путем заключения договоров о правовой помощи России с зарубежными странами выявляла в своем докладе Н.И. Марышева. Наконец, о лизинговых операциях говорила профессор из Санкт-Петербурга Л.Н. Галенская.

В «женских» докладах было немало интересного. К примеру, главная тенденция в заключении договоров о правовой помощи состоит в том, что происходит расширение правовой помощи и путем увеличения числа договоров на эту тему, и путем увеличения количества стран, участвующих в этих договорах. В рамках этой общей тенденции различаются договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам и договоры по отдельным нормам правовой помощи. Чаще заключаются — и им отдается предпочтение — договоры первой группы: по общим вопросам. Но самый лучший выход — это заключение многосторонней конвенции по этим вопросам. Так, если бы в рамках СНГ заключались двусторонние договоры по этой проблематике, то их было бы более 50. Но после распада СССР, когда образовался правовой вакуум и из-за отсутствия договоренностей нельзя было даже передать осужденного, например, из России в Узбекистан, была заключена Минская конвенция, которая сама по себе решила немало проблем. Однако после 1992 года нет движения в разработке многосторонних конвенций. В то же время есть острая необходимость расширять связи между странами СНГ и наряду с этим совершенствовать действующие договоры.

Нашей заминкой, тем, что мы заняты делами внутри правового поля СНГ, пытаются воспользоваться другие страны. Так, Польша предложила России заключить договор о правовой помощи, но он оказался уже по объему, чем был аналогичный советско-польский договор.

В чем же состоит задача по совершенству этих связей? Она многопланова: надо расширять число субъектов правового поля, расширять общение не через министерства юстиции, а напрямую — с соответствующими по рангу организациями и учреждениями, не забывая при этом, что центральные учреждения, в том числе и минюсты, обязаны сотрудничать сами по себе, наконец, расширять круг людей, участвующих в сотрудничестве. При этом стоит применять типовые правила в таком сотрудничестве: постепенно будет создана почва для присоединения к международной многосторонней конвенции.

Однако имеется и противоположная тенденция — к осложнению международных договоров.

Теперь о лизинговых операциях. Нужны ли они? После изучения рынка оказалось, что в России имеется много нуждающихся в оборудовании именно на условиях лизинга. Поэтому в 1994 году вышел указ Президента РФ о лизинговых операциях. В 1995 году издано Временное положение о лизинге, было и соответствующее постановление правительства РФ. Нормативная база небольшая, но есть. Что же такое лизинг? Это — сделка лизингодателя и лизингополучателя с третьей стороной, чтобы предоставить ей оборудование за арендную плату. У нас в документах добавлено: «в предпринимательских целях».

Мы давно занимаемся лизингом: внешнеторговые организации, Аэрофлот, Минморфлот. Но по-настоящему лизинговых операций было мало. Мы участвовали в разработке Гаагской конвенции 1988 года по лизингу, но не присоединились к ней. И потому существуют разночтения. Например, у нас оборудование, полученное по лизингу, должно быть «почти полностью выплачено» (что такое «почти» вам не скажет никто). А в конвенции ничего не говорится о выкупе оборудования в конце лизинга. У нас оборудование используется «для предпринимательских целей», а в конвенции оно «не должно использоваться в личных целях».

В лизинговой сделке участвуют три стороны. Она оформляется двумя контрактами. Оба контракта тесно связаны друг с другом. Лизингополучатель не может отказаться от сделки в одностороннем порядке. По лизингу имеются льготы: не надо, к примеру, платить все пошлины сразу, а можно растянуть оплату по 3% в месяц. Прекращение платежей по лизингу не является страховым случаем. Все риски лежат на лизингодателе. Выходит, лизинг очень выгоден, но им надо заниматься.

Нет, не случайно оба эти доклада вызвали и много вопросов, и дискуссию. В вежливой перепалке по лизингу приняла участие еще одна женщина — доктор наук из Ростова-на-Дону, профессор Л.И. Волова. Она показала, что в ряде случаев в лизинговой сделке главной фигурой является банк.

Самое главное

Сегодня, как и в те далекие сороковые, когда создавалась ООН, самой главной проблемой остается поддержание мира и безопасности народов. Удастся ли это ООН и мировому сообществу? Плохо. Войны продолжаются. Локальные, но какие... Вот только две цифры, характеризующие наши дни. В мире сейчас насчитывается 35 миллионов беженцев и 20 миллионов перемещенных лиц. В годы страшной второй мировой войны эти цифры были скромнее.

Само собой разумеется, что на собрании Ассоциации ряд докладов был посвящен этой самой главной проблеме. Доклад советника МИД России, доктора юридических наук В.Н. Федорова рассматривал некоторые вопросы поддержания мира и безопасности. Конкретно — операции по поддержанию мира.

Он вспомнил, что институт «голубых касок» возник в 1956 году. Полицейский персонал появился в конголезской операции. Потом — в Намибии. Условия успеха операции по поддержанию мира были сформулированы в документе ООН под названием «Повестка дня для мира». Они охватывали: четкий мандат, готовность государств-членов предоставить специалистов, готовность ООН санкционировать такую операцию, необходимую техническую поддержку со стороны государств-членов, применение силы только в случае самообороны.

Центральное положение Устава ООН — только Совет Безопасности (СБ) сам должен принять решение о применении силы. В последние годы очевидным стало направление ревизовать эту формулу — преуменьшить роль согласия сторон. С 1990 года ни в одной резолюции СБ не применяется слово «агрессия». Появилась и другая тенденция: искажение принципа одинакового подхода ко всем вооруженным конфликтам, и потому — превращение операции по поддержанию мира в принуждение по отношению к одной из сторон. Яркий пример тому — провал такой операции в Сомали.

Еще одна тенденция: увлечение множественностью функций, которыми наделяются военные. Хотя основным должно быть установление контактов со сторонами в конфликте и достижение договоренностей с целью его урегулирования.

Наконец, тревожная тенденция — это лидерство одной державы и отход от Устава ООН в сторону увлечения мнениями разного рода национальных и региональных организаций.

Сейчас основной вопрос состоит в том, чтобы обеспечить проведение в жизнь решений ООН. Надо следовать решениям ООН во всем мире, а кое-кто проводит угодные себе решения через ОБСЕ или НАТО.

Прения по этому докладу показали, что происходит эрозия Устава ООН.

Доклад Е.Г. Ляхова назывался: «Борьба с терроризмом и выдача преступников». Тема рассматривала три аспекта: что такое международный терроризм и терроризм, как в международных договорах затрагиваются вопросы выдачи преступников, как надо бороться с организованной преступностью и терроризмом. Это был доклад о том, что не было свойственно для СССР, но что появилось и развивалось в постсоветской России. Известны высказывания американских дипломатов: «Только в СССР американский посол да и любой американец чувствовал себя в безопасности». Ныне ситуация принципиально изменилась. Нужна квалификация актов террора. Тут спора нет, ибо определяется он просто: это — разновидность уголовного преступления.

Террор — сложное политико-правовое явление. Необходимо изучать его организационные и идейные структуры. Надо изучать деятельность и идейность групп и лиц, занимающихся террором.

Вопрос выдачи террориста — либо выдай, либо суди сам. Сложилась уже хорошая основа, чтобы определять, что такое выдача — экстрадиция. Лишь государство решает вопрос о выдаче. На него не может повлиять никто, даже ООН. Вопрос о выдаче, конечно, решается только в отношении физических лиц. Выданное лицо должно понести наказание.

Уже создано более десятка конвенций о борьбе с терроризмом. Вывод следующий: сам теракт является основанием для выдачи террористов. Вместе с тем следует отметить неадекватность российской правоохранительной системы борьбе с терроризмом. Борьба с ним в России пока неэффективна: примеры тому — Буденновск, Кизляр, Первомайское.

После вопросов прения были весьма бурными. Так, депутат парламента Грузии Н.А. Бурджанадзе поставила вопрос о выдаче террориста Гиоргадзе, совершившего покушение на Шеварднадзе и скрывшегося в России.

Профессор Л.А. Моджорян вспомнила, как в годы Великой Отечественной войны она разъясняла правила ведения войны нашим офицерам. А потом она стала разбирать ситуацию сегодняшнего дня. Если мы считаем чеченцев бандформированиями, говори-

ла она, то они не должны признаваться воюющей стороной и никаких переговоров с ними не должно быть. Но если они — воюющая сторона, то от них надо требовать соблюдения правил ведения войны. Вспомнила де Голля и Алжир. Алжирцы воевали до тех пор, пока де Голль вынужден был объявить Алжир независимым, хотя до этого эта территория считалась частью Франции.

Выступали директор Правового департамента МИД РФ А.Г. Ходаков и его заместитель А.В. Змиевский. Директор раскрыл проблему российского подхода по вопросу о правомерности применения ядерного оружия. Россия в ООН сосредоточилась на чисто юридических аргументах: международное право — это система ограничений, а не разрешений; отсюда право человека на жизнь ограждает его от произвола прежде всего своего государства, хотя пока запрета на применение ядерного оружия в международном праве не существует.

Его заместитель обратил внимание на работу Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН. Там обсуждалась сфера международного сотрудничества в борьбе с международным терроризмом. Россия в этом Комитете предложила пакет мер по ликвидации терроризма. Второй темой его выступления были предложения России по подготовке третьей конференции мира. Они сводились в основном к тому, чтобы шире задействовать возможности ООН.

Профессор И.И. Лукашук рассказал о работе Комиссии международного права. По его мнению, ведущие державы не заинтересованы в развитии международного права и потому всячески противодействуют плодотворной работе Комиссии. Она обсуждает в основном второстепенные вопросы, и огромная работа, как выразился Игорь Иванович, уходит в песок.

В. Пархитько,
канд. юридических наук